

Марку-Богатей – молдавская народная сказка

Молдавская народная сказка

Будет сказка занимательна, слушайте ее внимательно, кто уши хорошенько раскроет, много всякой всячины усвоит, а кто невзначай уснет, так ни с чем и уйдет.

Сказывают, жил-был когда-то боярин по имени Марку Богатей. Богатства его были несметны, так что он им и счет потерял. Имел он множество дворцов, хоромы несчетные, поля беспредельные, и на что, бывало, ни глянешь: лес ли, нива ли – все ему принадлежит. На лугах и лесных полянах паслись табуны его лошадей, стада волов и коров и отары овец.

Вот однажды задумал Марку Богатей закатить пир на весь мир, всех богатеев созвать и совет с ними держать, чтоб узнать, чье имение больше, чья казна богаче.

Ждали во дворце гостей, столы от яств и вин ломились: оглядел их Марку Богатей оком хозяйским и приказал стражникам, что на воротах стояли:

– Коль знатный боярин явится, пусть к столу скорее направится, а посмеет прийти бедняк – постолы да дрянной кушак, – так вы его, не жалея, гоните батогами в три шеи. Так я хочу, за то вам деньги плачу.

Стали съезжаться фаэтоны да кареты, которым равных з мире нету, с колокольчиками, бубенцами, со знатными седоками – за три версты слышно – бояре едут!

Под вечер, когда день с ночью смешаются, а пиры боярские разгораются, подошел к воротам старичок в лохмотьях, такой древний да усталый, что ветром его качало.

– Назад, старик! – закричали стражники, едва его завидели.

– Позвольте мне пройти, авось боярин чем-нибудь пожалует.

– Назад, старый хрыч, не подходи к воротам, коли жизнь дорога.

Видит старик – шутки плохи, понурил голову и назад повернул. Свернул на дорогу в ближнее сельцо, вскоре подошел к крайней

избушке и в дверь постучался, чтобы приюта на ночь попросить. Вышла к нему на порог хозяйка.

– Вечер добрый, хозяйюшка!

– Добрый вечер.

– А непустишь ли меня в дом переночевать?

– С дорогой душой. Только не обессудьте: изба моя детишек полна, мал мала меньше, ни накормить, ни одеть мне их нечем. На ночь их юбкой да платком укрываю, от холода оберегая.

– Что ж, невелика беда, лягу я за печью, коли тебя тем не беспокою.

– Милости просим, какое уж тут беспокойство.

В избе, при свете лучины, показался ей старик очень странным, был он похож скорее на колдуна, чем на человека.

Улегся путник за печкой и, так как устал очень с дороги, сразу же захрапел. Легла и хозяйка и вскоре тоже уснула.

Вдруг в полночь слышит она: цок, цок, цок! – стучит кто-то в окошко. Глянула и видит: слетела с неба сверкающая звезда, шепчет старику:

Древний Вещун, Знатный колдун, Знаешь ай нет:

Родился на свет

Новый человек!

Что сулит ему век?

А старик и отвечает из-за печи:

– Эгей, бедолага, будет он горе мыкать, за семерых спину гнуть и все без толку. Прижмет его нужда злая, запьет он горькую и до самой смерти не будет у него другого крова и пристанища, кроме корчмы.

Хозяйка прикинулась спящей, но все видела, все слышала и от страха вся дрожала, зуб на зуб не попадал.

Вскоре слышит она опять: цок, цок, цок! – в окошко. Это другая звезда прилетела и тоже молвит:

Древний Вещун, Знатный колдун, Знаешь ай нет: Родился на свет
Новый человек! Что сулит ему век?

– Эгей, бедолага, тяжка его доля. Будет он всю жизнь честен, как добрые весы, но в этом бесчестном мире честному только брань и побои достаются, когда он за правое дело стоит. Закуют его в кандалы и до самой смерти будут таскать по темницам.

На рассвете постучалась в окно звезда еще больше и красивее прежних и спросила:

Древний Вещун,
Знатный колдун,
Знаешь ай нет:

Родился на свет
Новый человек! Что сулит ему век?

– Этому достанется все добро Марку Богатея, – ответил старик, перевернулся на другой бок и уснул.

Наутро старик поблагодарил хозяйку за гостеприимство и пустился в путь-дорогу, одному ему ведомо в какие края. А хозяйка осталась со своей нуждой и своим горем. Только солнышко взошло, отправилась она к Марку Богатею барщину отрабатывать. С тех пор как на свет родилась, только и знала она, что спину гнуть от зари до темна, бывало ей и солоно и горько, пока добудет хлеба черствого корку.

Явилась она ко двору боярскому, а там пир стоит горой, от песен небо раскальвается. Вышел Марку на подворье, а женщина, как увидела его, вспомнила о словах ночного гостя и крикнула:

– Боярин Марку, боярин Марку!

Насупил боярин брови и напустился на нее с бранью:

– Чего тебе? Небось опять есть попросишь, едят тебя черви могильные! Коли дело скажешь – говори, а коли попрошайничать вздумала – сгинь с глаз моих!

– Боярин Марку, я вот тебе поведать хочу: этой ночью ночевал у меня какой-то странник, сама не знаю, откуда явился и куда путь держал. Показался он мне чудным каким-то, не то человек, не то колдун. А видать, он большущий пророк. Ночью, как где дитя нарождалось, тут же звездочка в окошко стучалась и пыталась его о судьбе младенца. Одному он предсказал, что станет горьким пьяницей, другому – что каторга по нему плачет. А под утро третий младенец на свет появился и предсказал странник, мол, стать ему владельцем всего твоего добра.

– Ха-ха-ха! Какие это тебе чудные сны по ночам мерещатся.

– Боярин Марку, я своими ушами все слышала. Почесал Марку затылок, будто комар его укусил, поправил кушак на вздутом, точно бочка, брюхе, махнул женщине рукой: принимайся, мол, за

дело, а сам в хоромы отправился. Еще пуще пир разгорелся. Снедь на столах – горой, вино лилось рекой, Марку поднимал стаканы и кричал в угаре пьяном: гей, гоп, гол, гоп!

Кончили бояре пировать только на второй день под вечер, и проводил Марку всех отпрысков боярских в путь. Но, как говорится: вода уходит, камни остаются. Так и угар пира прошел, а слова бедной женщины запали ему в сердце, покою не давали ни днем ни ночью. Ходил Марку Богатей хмурой тучей да и решил под конец съездить к повитухе, расспросить, кто в округе в такую-то ночь в такой-то час сына родил. Уж кому, как не повитухе, знать, кто когда на свет народился.

– В такую-то ночь, в такой час родила сына жена Иона Бедняка. Бедная женщина, это у нее тринадцатое дитя, а в доме такая нужда, такая нищета, что глядеть на них жалко.

Боярин, не мешкая, велел гнать лошадей и остановил карету перед избушкой Иона Бедняка.

– День добрый, бедолага!

– Добрый, день, боярин!

– Мэй, Ион, слышал я, будто жена твоя сына родила.

– Верно, боярин, родила жена тринадцатого ребенка. Велика семья моя, да еще больше нужда моя.

– Мэй Ион, отдай его мне. У меня-то своих детей нет, вот и выращу я его и будет он мне на старости лет опорой. А вам от этого честь большая.

– Не знаю, что еще жена скажет.

Позвали жену, а она как услышала, о чем речь, – в слезы ударилась.

– Ох, боярин, тринадцать детей у меня и живем мы в та-такой бедности, что еле-еле душа в теле. А все же дитя не могу тебе отдать, сердце за ним болит.

– Полно, женщина! У меня он будет жить в холе да в тепле, и сыт, и обут, и одет. А как подрастет, пошлю я его учиться и станет он одним из первых людей в царстве-государстве.

Так сладко пел Марку Богатей, все сулил: обути, одеть их сына, учиться послать, в люди вывести, что в конце концов растрогал сердце бедняков, и продали они ему младенца за три кошеля денег.

Взял Марку Богатей ребенка на руки, стал качать да баюкать с притворной любовью, сел с ним в карету и отправился восвояси. Едет он и думу думает: как бы этого младенца жизни решить. Вздумал он было удавить его, да страшно стало. Туг карета проезжала лесом, и решил боярин бросить дитя в заросли, авось какой-нибудь дикий зверь на него наткнется и разорвет. Как надумал, так и сделал: бросил ребенка под высоким толстым тополем, а сам в карету сел и весело домой покатыл. Теперь уж, думал боярин, избавится он от тяжких дум и горьких сомнений.

А следом ехали батраки Марку Богатея, ко двору его дрова везли. Случилось так, что один из погонщиков кнут потерял, а волю, почуяв волю, стали то и дело к траве склоняться, с пути сбиваться и чуть было телегу не перевернули. Видит батрак, что дело худо, остановил волов, взял топорик и пошел в чащу прут хороший подыскать, чтобы было чем скотину погонять. Искал он, искал, пока не добрался до высокого толстого тополя, под которым увидел брошенного младенца. Взял он дитя на руки, огляделся, нет ли кого поблизости, — ни живой души. Что делать? Понес он мальчика к телеге. Собрались вокруг него остальные батраки и все прикидывают: кто бы это мог ребенка в чаще лесной бросить? Так никто и не додумался до правды, а тот, что нашел младенца, рад-радешенек: тридцать лет он с женой прожил и не подарила она ему ребенка. И так он сладко глядел на найденыша, так нежно ежу улыбался и к груди прижимал, будто чистое золото в руках держал.

— Поглядите, мэй, как этот дурень обрадовался. Будто подарил ему кто полмира, — заметил один из батраков.

— Как же ему не радоваться, когда опоры своей старости в руках держит, — ответил другой.

— Никогда не знаешь, под каким кустом счастье человека караулит, — бросил какой-то шутник и, хлестнув быков кнутом, вскочил на телегу.

— Гей-гей! Цоб, цобэ! — двинулись телеги дальше. Приехав на подворье, батраки разгрузили дрова и стали ждать, какую работу задаст им хозяин на следующий день. Марку Богатей сам должен был работу им назначить, так как приказчик куда-то уехал по делам. Собрались батраки, хозяина слушают, а тот, что дитя

нашел, все подходит к окошку, на телегу поглядывает. Видя такое дело, боярин его и спрашивает :

– Мэй, ты что там нашел, что места себе не сыщешь, все глаза в окошко пялишь.

– Эгей, боярин, что он там нашел, будет ему доброй находкой в жизни,– сказал один из батраков.

– Да что же он нашел? – выпучил боярин глаза.

– Нашел он мальчугана в таком-то месте.

Кольнула эта весть боярина в самое сердце, только он и виду не подал, а повернул дело очень хитро:

– Тьфу, побей тебя счастье, ты и не искал да нашел, а я вот с ног уже сбился и никак себе приемыша не найду. Продай его мне, мэй, у меня-то нет парней.

– Как же мне его продать, когда у меня у самого тоже нет?

– Вот как, значит, не продашь?! Был бы он твоим, куда ни шло, а о найденыше чего тебе жалеть да горевать? Ну, продай, я тебе хорошую цену дам.

С боярином один на один лучше не связывайся – мигом удавит. Скрепя сердце взял бедный человек деньги и отдал младенца.

Опять Марку Богатей призадумался, и так и этак прикидывал: как бы это с мальцом покончить, со свету его сжить. Всякие мысли ему в голову приходили, одна другой страшнее. Так уж дума толстосума: не жди от нее добра, зато на зло – щедра. Наконец решил он положить мальчика в бочонок, набить обручи потуже и пустить по реке. В тот же день замысел свой и исполнил. Ветер отогнал бочонок от берега на середину реки, волны быстрые его подхватили и понесли, а боярин с сердцем, злобой налитым, проклятие ему вслед послал :

– На вот, пропади ты пропадом, катись головой вниз, и когда вода эта вспять повернет, тогда и ты вернись.

Потом сел Марку Богатей в карету и с радостью в душе домой вернулся.

Бочонок на волнах качается, о берег ударяется, плывет день и ночь от боярина прочь. В одном месте у излучины реки зацепился он о коряги и к берегу пристал. А неподалеку от этого места стояла на берегу сукновальня, где суманы делали. Вскоре подошли к берегу два сукновальщика воду брать и наткнулись на

бочонок. Раз, два – вытащили его из воды. Почувствовав, что бочонок не пуст, стали они осторожненько обручи ослаблять. Каково же было их удивление, когда обнаружили в бочонке славного, пухленького мальчугана. Взяли они ребенка и бегом отнесли в сукновальню. Холили его мастера, не жили, а как подрос, стали мастерству обучать. Парень оказался смышленным, все на лету хватал и крепко-накрепко запоминал. Весь день-деньской работал он в мастерской и вскоре не только научился всему, что старые мастера знали, но и намного их превзошел и стал выработать сукно любого сорта и любой ширины. Не много времени прошло, и пронеслась по свету молва, что в такой-то сукновальне делают невиданное доселе сукно.

Народ валом валил, кто верхом, кто пешком – всем хотелось заиметь хоть кусок редкого сукна. Туда, сюда, дошли слухи о необыкновенном сукне и до Марку Богатея. В один прекрасный день велел он заложить в карету шестерку лошадей цугом, надеть на них новую сбрую и бубенцы подцепить, на козлы лучшего кучера посадить и, когда все было готово, двинулся к хваленной сукновальне с полными карманами денег – покупать сукно да войлок, получше да побольше. Прибыл Марку Богатей на сукновальню и был встречен с почетом, расчистили для него дорогу до самого порога, к старшему проводили, за стол усадили, потчуют таровато, как пристало потчевать бояр богатых. Слово за слово, зашла речь о сукне и сукновальне.

– Где это вы нашли таких мастеров знатных? – спросил Марку Богатей.

– Мастер этот знатный сам к нам пришел.

– Видать, из стран заморских?

– Нет, боярин, вот послушай. Лет двадцать тому уж будет, пошли однажды два сукновальщика по воду. Глядь, а волны прибили к берегу какой-то бочонок. Вытащили они бочонок из воды, обручи сбили и нашли в нем мальчика в пеленках.

Боярина будто кто кипятком ошпарил, еле-еле он сдержался, зубы стиснул, чтоб не выдать, как у него сердце горит.

– Вот мы его и вырастили, выучили, а он так ловок и так умен, что с тех пор как работать начал, стало наше сукно славиться по всему свету.

– Видать, он многому учился, книжную мудрость постиг и судейские дела тоже не худо знает? – спросил Марку Богатей.

– Верно, боярин, много всякой всячины он знает, – подтвердили мастера.

– А у меня как раз неполадки в имении. Не мог бы он пойти дела там распутать? И, коли время будет, пусть и дочь мою обучит всякой книжной мудрости, а то ей до сих пор попадались совсем никудышные учителя.

– Что ж, это можно. Сукновальня теперь уж и без него обойтись может, все налажено. Позвать его, что ли?

– Да, позовите.

Пока мастера искали юношу, чтобы поведать ему о желании боярина, Марку Богатей живо настрочил письмецо: «Боярыня-сударыня, как придет к тебе этот юноша с письмом, вели заковать его в кандалы. Потом вели привезти девять возов дров, сложить из них костер, а парня на том костре сжечь и пепел его по ветру развеять, чтоб ни имени, ни следа его на свете не осталось». Под письмецом подпись поставил: Марку Богатей.

Тут как раз юноша к столу подошел.

– Вот так-то и так-то, – объяснили ему мастера. – Ступай ко двору Марку Богатея.

– Ладно, я готов, – ответил парень.

Вручил ему боярин письмо и так напутствовал:

– Возьми вот, в знак того, что я тебя послал. Как придешь отдай моей боярыне письмо, пусть прочтет. Передай, что я еще задержусь немного из-за сукна и по всяким другим делам, но постараюсь поскорее домой возвратиться.

Спрятал парень письмо за пазуху и пустился в путь-дорогу. Шел он, шел и вот однажды, проходя мимо опушки леса, видит – медведь в дупло полез и мед у пчелок ворует. Десятки пчел мертвыми падают, оставляя свои жала в его шкуре, а медведь знай себе ворчит и дерево ломает, все глубже в дупло забирается. Увидев путника, одна пчелка подлетела к нему и говорит человеческим голосом:

– Добрый человек, избавь нас от этого горя-злосчастья, прогони медведя. Не пропадет твой труд, и мы тебе чем-нибудь отслужим, а коли в беду попадешь, из беды выручим.

Сломал путник толстую дубовую ветку, живо вырезал из нее дубину увесистую и пошел гулять ею по голове косолапого. Видит медведь: худо дело, тут уж не до жиру, быть бы жи-ву, схватил ноги на плечи и – поминай как звали!

Устав от боя с медведем и дороги дальней, юноша прилег в тени дерева, и тут же сон его одолел. А среди пчел была одна волшебная, и знала она, что кто замыслил и чем это кончится. Ну, а раз парень сделал добро пчелиному племени, решила и она ему добром отслужить, из беды тяжелой выручить. Вытащила она тихонько письмецо у парня из-за пазухи, а вместо него другое положила: «Боярыня-сударыня, как придет к тебе этот юноша, вели свести его в баню, дай ему платье самое лучшее и сыграйте свадьбу с моей дочерью, да берегите его от всякого зла пуще зеницы ока». Внизу стояла подпись: Марку Богатей, точь-в-точь как у боярина.

Недолго путник почивал, проснулся, пчелы поблагодарили его за помощь, в путь проводили, а о письме ни словом не обмолвились. После нескольких дней пути прибыл юноша ко двору боярскому, показал слугам письмо, и те с поклонами проводили его к боярыне. Та на радостях сразу велела всякие яства да вина готовить, музыкантов звать, свадьбу боярскую играть. Такую свадьбу затеяли, целую неделю пировали да гуляли.

Улегся шум свадебного пира, а несколько дней спустя и Марку Богатей в карете домой вернулся. Как узнал он новость неожиданную, стал волосы на себе рвать, чуть не лопнул от злости.

– Что вы натворили? – набросился он на жену и на дочь.

– Как ты в письме велел, так мы и сделали.

– Что же я вам в письме велел?

– Погляди-ка вот сам.

Как увидел Марку Богатей письмо да еще и подпись своя, пронзил его страх до мозга костей: никак, и впрямь суждено этому парню на его добро руку наложить. И опять стал Марку Богатей думать, как бы поступить, чтобы зятя своего со свету сжить. Наконец осенила его мысль: послать юношу на тот свет к покойной матери за перстнем с печаткой боярской. Наутро позвал он к себе зятя и сказал ему голосом тихик, но полным угрозы:

– Потерял я печать свою боярскую, а другой у меня нет и никто сделать ее не может. Пока я ее имел, мне и в голову не пришло снять хотя бы слепок. Ну, да на наше счастье есть еще одна такая печать.

– Где, батюшка?

– На том свете. Матушка моя, значит, твоя бабушка, носит на пальце золотой перстень с печаткой рода нашего. Ступай к ней и забери перстень. Да помни, коли вернешься с пустыми руками, быть твоей голове там, где сейчас ноги.

Взял себе парень еду на дорогу, денег немного и пустился в путь с верой и надеждой вернуться обратно, добыв перстень с боярской печаткой. Долго ли, коротко ли он шел, а прошел хороший кусок пути, пока однажды в полдень добрался до какого-то пруда. Чем ближе он к пруду подходил, тем явственнее слышал странные звуки: будто кто-то что-то бормочет и хлебает впустую.

– Добрый человек, подойди ко мне, – донесся вдруг до него голос с самой середины пруда.

Присмотрелся путник и окаменел от ужаса. По воде плыл человек с обгоревшими от жажды губами и никак не мог наклониться, воды напиться.

– Что с тобой приключилось? – спросил его юноша.

– Тяжкое проклятие пало на мою голову. А ты куда путь держишь?

– Иду на тот свет, взять у бабушки перстень с печаткой.

– Раз уж ты туда идешь, спроси и обо мне: долго ли мне еще так мучиться?

– Ладно, коли доберусь туда, и о тебе не забуду. Пошел зять Марку Богатея дальше, шел он, шел и наткнулся на два бочонка. Из одного вино через край лилось, а второй был совершенно пуст, даже клепки рассохлись. Глянул парень и подумал: «Кто это таких дел понаделал, в один бочонок столько вина налил, что через край льется, а другой высыхает на солнце?» Поднял он полный бочонок, перевернул кверху дном над пустым, трясет, трясет, а ни капли вина в пустой бочонок не льется.

«Тьфу, напасть, это еще что за шутка такая?» – подумал юноша и пошел своей дорогой. Шел он, шел без усталости, пока дошел до какого-то овражка. Овражек как овражек, да только на самом его

дне лежит себе поп на спине. И до того тот поп отощал, что казался только тенью человека: скулы выперли, глаза впали, а он все кричит хриплым голосом: «Кушать, кушать»! Всякий раз, когда он губы размыкал, вываливалась изо рта страшная змея: трепыхнется разок-другой на воле и опять в рот убирается. Подумал было юноша к попу подойти, да преградили ему дорогу злые змеи ядовитые. Напуганный виденным, путник отступил и пошел дальше своей дорогой. Вскоре вышел он на большой луг, весь усыпанный цветами. Посреди луга стоял стол, ломившийся от всяких яств и напитков, а вокруг стола сидели люди, все такие бледные и худые, что и на людей не походили. Руки их были привязаны к большущим половникам, но как они, бедняги, ни изворачивались, а донести пищу до рта не могли. Страшная это была пытка! Все от голода зубами скрипели, глаза у них горели, кругом яства прекрасные, а они ни крошки в рот взять не могут! Узнав, куда юный странник путь держит, стали они его просить:

– Сделай милость, когда дойдешь до Вельзевула Древнего, узнай у него, долго ли нам еще эту пытку терпеть: сидеть голодными перед накрытым столом?

– Ладно, не забуду и о вас расспросить, – пообещал им зять Марку Богатея и пошел своей дорогой.

Долго ли он шел, нет ли, а дошел до крепости с высокими стенами, черными, как смола. У железных ворот стоял на страже солдат с палицей на плече и саблей на боку.

– Что ты здесь караулишь при таком оружии?

– Сотни лет стою я на страже у этих ворот, все жду-не дождусь смены. А ты куда путь держишь?

– Иду я на тот свет, золотой перстень искать.

– Раз так, сделай милость, спроси там и обо мне: долго ли еще придется торчать здесь?

– Ладно, спрошу.

Вскоре дошел наш парень до замка, тоже черного, как смола. Видать, тут и была канцелярия адова и место сбора чертей. Застал он там только старую чертовку. Так ей наскучило одиночество, что, как увидела парня, так и заохала:

– Ох, ох, горе мне и еще раз горе! Но, видать, есть еще у меня капелька счастья, раз удалось повидать земнородного человека.

Усадила она парня на лавку, стала расспрашивать, откуда он и по какому делу пришел из далеких далей в этот мир печали. Узнав, какая нужда его в путь погнала, старуха ему и говорит:

– Подожди здесь до полуночи, пока явится Вельзевул Древний, самый главный сатана, которому сила зло творить дана. Я уж у него расспрошу обо всем, что ты узнать хочешь.

В полночь явился Вельзевул Древний, еле ноги волоча от усталости: много он в тот день всяких бед людям натворил. Старая чертовка хорошенько спрятала земнородного, а сама прикинулась, будто захворала тяжело, повалилась на пол и так застонала, словно час ее последний пришел.

– Да что с тобой приключилось? – спросил Вельзевул, входя. – Может, кто обидел или хворь какая одолела?

– Захворала я от горя и досады, что ты мне все никак не принесешь перстень Марку Богатея. Тебе хоть кол на голове теши, сколько раз говорила – все в одно ухо войдет, в другое вылетит.

– Да стоит ли из-за пустяка так горевать? Я бы прямо сейчас и отправился за перстнем, но далеко ходить, до самой Пятки Адовой. Завтра же ночью непременно принесу. Хорошо, что ты мне напомнила, а то ношусь весь день-деньской, как угорелый, и все на свете забываю.

– Ох, ох, Вельзевул рогатый! Сколько уж веков я здесь горе мыкаю, а все еще не знаю, что к чему в этом царстве адовом.

– Чего это ты не знаешь?

– Сколько раз я бывала у Соленого пруда в каменном ущелье, а ты мне так ни разу и не сказал, кто тот человек, что день и ночь в воде сидит и ни капли в рот взять не может?

– На земле он был большим богатеем.

– И чего он натворил, что на такую казнь осужден?

– Жил он в достатке, в яствах и винах катался, как мас-ло з сметане, а слуг верных ни за что ни про что порол нещадно, в холодную закрывал и целыми днями ни есть ни пить им не давал. Нынче и ему пора пришла узнать, почем фунт лиха, огня жажды изведать.

– И долго он так мучиться будет?

– Во веки веков.

– А что это за два бочонка на Желтой ниве? Из одного через край вино льется, а второй на солнце высыхает?

– Это значит, что на земле есть бедные и богатые. У одних столько добра, что девать его некуда, а другие с хлеба на воду перебиваются, весь свой век горе мыкают.

– А почему, когда кто-нибудь пробует перелить вино из полной бочки в пустую, оттуда ни капли не льется?

– Потому, что сытый голодного не понимает, и сколько бы бедняки ни взывали к богатым о помощи, ничего не получают. Скорее толстосум из бедняка душу выколочит, чем бедняк у него копейку.

– А кто тот поп, что лежит в Полынном овраге ни жив ни мертв от голоду и все кричит: «кушать, кушать!»

– Это поп Калач, который ездил на земле на горбу бедняков, всю жизнь драл шкуру с живых и мертвых, а теперь сам испытывает, каково было тем, у кого он кусок изо рта вырывал.

– А почему у него змей во рту сидит?

– Потому что был он сквернословом и лгуном. На земле у него был не человеческий, а змеиный язык, таким он и теперь остался.

– И долго он так мучиться будет?

– Во веки веков.

– Скажи мне еще, за какие грехи так казнятся люди на Голодном лугу и умирают с голоду и жажды, сидя за столом, который ломится от яств и напитков!

– Казнятся они, так как никому в голову не приходит накормить своего ближнего, чтобы и ближний его накормил. Только тогда жизнь чего-нибудь стоит, когда люди друг другу помогают.

– А кто тот человек, что стоит на страже у врат ада?

– Это тоже бывший толстосум, который много зла сотворил, живя на земле. Дня через три-четыре я его переведу на другую пытку, а его место займет Марку Богатей.

На следующую ночь Вельзевул Древний принес перстень с печаткой Марку Богатей. Взял его юноша и пустился в обратный путь. Вскоре дошел он до врат ада. Стражник завидел его еще издали и кричит:

– Что ты узнал обо мне, долго я еще здесь простояю?

– Дня через три-четыре придет тебе на смену Марку Богатей. Немного времени спустя добрался он и до Голодного луга, где его ждали с разинутыми ртами алчущие и жаждущие.

– Добрый молодец, что сказал Сатана о нашей участи?

– Люди добрые, пока каждый из вас думает только о своем брюхе, будете вы мучиться голодом и жаждой. Наберите полные половники и кормите друг друга, иначе вам не прожить.

С той минуты стали они кормить друг друга: кто лучше кормил, того тоже лучше кормили, кто ленился набрать полный половник, тому тоже меньше доставалось. На столах без конца появлялись новые яства и напитки, и они жили, как братья, забыв о муках голода и жажды.

А наш юноша шел своей дорогой и вскоре добрался до озера, в котором боярин изнывал от жажды.

– Какие вести принес ты мне?

– Грустные, боярин. Слыхал я, что мука твоя будет вечной в наказание за те несправедливости, которые ты чинил людям на земле.

Отправился юноша дальше, шел он, шел и наконец пришел домой. Как увидел Марку Богатей, что зять вернулся домой жив, здоров да еще перстенок с печаткой принес, чуть не лопнул от досады и страха. Придраться было не к чему, вот и стал расспрашивать зятя, где был и что видел.

– Эгей,– сами знаете, как оно в дороге,– ответил зять.– Много всякой всячины увидишь и услышишь. У врат ада видел я стражника с палицей на плече и саблей на боку; ждет он, чтоб вы ему на смену пришли.

– Я?!

– Так он говорил.

– Никто в моем роду никогда в стражниках не ходил. Только меня и нашли?.. Да еще где стоять – у врат ада!.. Пойду сам погляжу и коли ложь это, коль хотел ты посмеяться надо мной, не миновать тебе петли.

Собрался Марку Богатый в путь-дорогу и пошел по следам зятя. Стал подходить к вратам ада, а стражник еще издали кричит:

– Стой, мэй, стой! Кто ты таков и куда путь держишь?

– Я Марку Богатей.

– Раз так, иди сюда.

Подошел Марку, а стражник ему говорит:

– На вот, поддержи-ка палицу, саблю, одежду мою и обувь.

Не успел Марку Богатей разобраться, в чем дело, как стражник сунул все ему в руки и был таков. Одежда на него наделась, ремни подпоясались; почуял Марку – пятки печет, подскочил кверху и в сапогах очутился. Мигом был он одет, обут, до зубов вооружен и к месту пригвожден. Много лет подряд стерег он врата ада, ни днем ни ночью век не смыкая, и, может, и сейчас еще стережет, коли кто другой его не сменил.

А сын Иона Бедняка, завладев всем имуществом Марку Богатея, поделил его со своими братьями и всеми другими бедняками.

Читать другие молдавские сказки. Содержание.